

СЕКЦИЯ 5 АНТРОПОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

КОНВЕРСИОННЫЕ НАРРАТИВЫ КРИШНАИТОВ В ПОСТСОВЕТСКОМ КАЗАХСТАНЕ: НЕОЖИДАННЫЕ ПОВОРОТЫ И ТРАЕКТОРИИ

Ю. В. Шаповал
Астана, Казахстан

«Прежде чем заинтересоваться наукой, вайшнавской философией, у меня были определенные события, очень серьезные потрясения реально в жизни. Только после них началось. Это связано с бизнесом, с обманом в бизнесе, с большим обманом в бизнесе» (Жанат, казах, 34 года). Эти слова являются началом конверсионного нарратива, который был рассказан в ходе интервью этническим казахом, одним из последователей Международного общества сознания Кришны (МОСК) в Казахстане. Самоназвание последователей МОСК – вайшnavы. Данное начало вполне вписывается в общую структуру конверсионного нарратива, описанную в литературе¹, и включающую в себя этап кризиса, который маркируется событием, выступающим в качестве поворотного пункта, ведущего к конверсии. С одной стороны, в этом конверсионном нарративе структурно прослеживаются семь этапов конверсии, указанные Л. Рэмбо². Однако с другой стороны, начавшись с типичного для конверсионных нарративов описания кризисного момента в жизни, это повествование сделало неожиданный для нас поворот, когда постепенно рассказчик поднял вопрос о возможности изменения мира и в его словах возник достаточно позитивный образ Советского Союза. Это было неожиданно, поскольку история появления и распространения МОСК в Советском Союзе связана с гонениями и репрессиями против его последователей с 1980 по 1988 год. Это зафиксировано и в вышедшей в 1998 году книге «Как я пришел в Сознание Кришны», ксероксы из которой были даны нам самими последователями для ознакомления несколько лет назад. В ней содержатся конверсионные

---

¹ *Buckser, A. The Anthropology of Religious Conversion / A. Buckser [ed.] // Rowman&Littlefield Publishes. – Inc., 2003.*

² *Rambo, L. R. Understanding Religious Conversion / L. R. Rambo. – New Haven and London: Yale University Press, 1993.*

нарративы кришнаитов постсоветского пространства, многие из которых сейчас являются лидерами данного религиозного движения. Во многих нарративах кришнаитов, обратившихся еще в 80-е годы, в период Советского Союза, содержится сведения, свидетельствующие о давлении КНБ, которое оказывалось на последователей МОСК. И вдруг в 2013 году уже не в единственном интервью я прослеживаю изменение отношения к советскому прошлому.

В этой статье мы покажем, что, во-первых, содержание и структура конверсионных нарративов последователей МОСК, во многом отразивших сложный трансформационный и травматический для Казахстана период постсоветской трансформации обусловлены влиянием таких ключевых контекстов как «советскость» и постсоветская модернизация. Во-вторых, конверсионные нарративы содержат критику западных либеральных ценностей, которая в некоторых случаях ведет к переосмыслению советского прошлого в достаточно позитивном формате.

Основными методами исследования явились включенное наблюдение, глубинные и неформальные интервью с кришнаитами в городах Астане и Алматы, проведенные в период с 2011–2013 гг. Также были проанализированы видеоматериалы, предоставленные последователями этого религиозного движения.

Модернизация и влияние советского прошлого исследовались в связи с конверсиями на постсоветском пространстве в недавно вышедшей коллективной монографии под редакцией исследователя М. Пелкманса¹, где были акцентированы ключевые понятия и контексты исследования этого феномена на постсоветском пространстве. Главной идеей этой работы является то, что именно советская и постсоветская модернизации представляют собой необходимые контексты для адекватного прояснения феномена конверсий на постсоветском пространстве. Люди меняют свою религиозную афилированность в условиях глубоких трансформаций модернизации, когда разрушаются социальные связи и институциональные структуры, ценности и моральные практики, а жизнь человека становится все более незащищенной и уязвимой перед дестабилизирующими эффектами глобального капитализма.

¹ *Pelkmans, M. Introduction: Post-Soviet Space and the Unexpected Turns of Religious Life / M. Pelkmans [ed.] // Conversion after Socialism: Disruptions, Modernism, Technologies of Faith in the former Soviet Union. – New York, Oxford: Berghahn Books, 2009.*

С феноменом модернизации связывает конверсии и исследователь Р. Хефнер¹, указывая на религиозные конверсии как социальный ресурс, помогающий личности встраиваться в широкий социальный контекст современного мира. Для нашего исследования очень значимо, что исследователь связывает религиозные конверсии с аспектом строительства мира. Это означает, что в ходе религиозных конверсий происходит не только переформулирование персонального опыта, но и социальных отношений, культурных значений и создание некоего мироустроительного проекта в терминах принятого религиозного учения.

В современной антропологической литературе само определение конверсии является дискутируемым. А именно произошел отказ от классической павлианской модели конверсии как одномоментной персональной трансформации и переход к динамичному пониманию конверсии как движения, направление и стратегии которого часто обусловлены контекстом. В этом своем движении конверсии обнаруживают разные инварианты и неожиданные повороты. Наше исследование конверсионных нарративов последователей МОСК показало действенность модели конверсии как движения, в котором происходит динамичное взаимодействие социальных и индивидуальных процессов.

В конверсионных нарративах кришнаитов, конверсия представляет собой постепенное движение, когда «критическая масса накапливается» как было описано конвертом Жанатом. Его движение в данное движение происходило 10 лет (1997–2007 гг.). В 1997 году он начал посещать программы, праздники кришнаитов в Алматы, но не было особого интереса к этому. У него были знакомые, которые к этому времени уже конвертировались и оказывали на него определенное влияние. Но, он стал бизнесменом и вписался в новый порядок рыночных отношений и ценностей, принесенных постсоветской модернизацией. Однако далее последовали события, которые он интерпретирует как знаковые: *«1999 г. 31 декабря в 11 ночи в Курбан-айт уходит мой дед. Ровно, ровно. Потом потрясения, потом все решается и начинается какой-то прогресс. В 2007 г. я посещаю Беккет-ата (...). Потом я выяснил, оказывается, что по линии мамы я прямой предок Бек-*

¹ Hefner, R. Introduction: World Building and the Rationality of Conversion / R. Hefner [ed.] // Conversion to Christianity: Historical and Anthropological Perspectives on a Great Transformation, Berkeley: University of California Press, 1993.

кет-ата, генеалогия дерево, он того же самого рода, что и я, из Запада, адайцы».

Исходя из приведенного отрывка, Жанат должен был стать мусульманином, поскольку выстраивается ряд знаковых событий, связанных именно с исламом: Курбан-айт, паломничество к суфийскому шейху Беккет-ата. Но, траектория конверсии делает неожиданный поворот, что отражается в конверсионном нарративе: «Возник спонтанный интерес. Лекции Турсунова начал слушать, начал интересоваться, начал с еды, Аюрведы, с ведической кулинарии, очень вкусно, разнообразие, начал изучать, ходить чаще в кафе Говиндос (...). Через месяц после приезда я жестко принимаю решение: все, я вегетарианец. Чувствую, становится интересно. Мурат предлагает все время идти на программы, послушать. Начинаешь ходить. Киртан поют, много людей собирается, начинаешь чувствовать энергетику. Через 3–4 месяца после вегетарианства я стал кришнаитом (...)».

Жанат, сохранив особое положительное отношение, как он говорит, к «суфийскому исламу», в отличие от «ортодоксального ислама», становится последователем нового религиозного движения. Как объяснить этот поворот конверсии? Здесь объяснительным инструментом являются контексты конверсии. Во-первых, советский контекст, который является еще достаточно влиятельным. Жанат – из достаточно типичной урбанизированной казахской семьи, где родители – бывшие советские люди. К исламу он и его родители относятся как к культуре, традиции, что культивировалось в советское время, когда религиозная афиллированность центрировалась вокруг идеи культурного наследства, что исследователи называли «фольклоризацией религии». Он родился в советское время, получил еще по инерции советское образование. Основным языком общения для него является русский, хотя он знает бытовой казахский и владеет английским. Он прекрасно знает классическую русскую литературу и свободно цитирует ее, так же как его друг, кришнаит Арман. Они вместе делают короткие видеоролики, в которых через великие классические произведения продвигают идеи кришнаитов о человеке как вечной душе вне зависимости от национальной и религиозной принадлежности, о реинкарнации. В основном, кроме С. Моэма они используют произведения русской литературы: Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. Пушкина. Жанат говорил

в интервью: «Вы знаете, что ведь Махатма Ганди построил ферму Л. Толстого. Толстой изучал Бхагавад-гиту».

Во-вторых, контекст постсоветской модернизации, несущей уже другую идеологию рыночных отношений, либеральные ценности. Эта модернизация усиливает рост индивидуализма, согласно которому человек сам выбирает свою жизненную траекторию, включая религию, вне зависимости от моделей поведения его предков. Указанные контексты позволяют высветить сложность и неоднозначность конверсионного нарратива. На наш взгляд, конверсионный нарратив Жаната является многослойным и по ходу его повествования обнаруживает разные пласты. Первый слой – советский пласт (советская семья, советское образование), который во многом обусловил стратегии поведения и мышления. Второй слой – рассуждения о суфизме не как части ислама, а как духовной практике, о казахских традициях как коррелирующих с ведической культурой. Третий слой, который пронизывает весь конверсионный нарратив – это переосмысление своей жизненной истории через призму учения кришнаитов. Жанат следующим образом объясняет свои жизненные перипетии: «Как говорил Чехов, болезни и враги наши – лучшие учителя. Раньше этот принцип я глубоко не понимал. Веды расширили понимание. Все что происходит, имеет причину. Если еще учесть реинкарнацию, то все сразу понятно становится. Почему тебе послано, может отработать карм»

Следующий слой нарратива – это аспект мироустройства, который отмечал исследователь Р. Хефнер. Логика конверсионного нарратива показывает, что для Жаната вайшнавизм – это не просто религия, а целостное мировоззрение, взгляд на мир, мироотношение. Когда он характеризует вайшнавизм, то употребляет слова «глубинная целостность», «целостность сознания»: «Целостность сознания и преемственность передачи – сампрадаи, глубоко уходит, в других религиях такого не встречал. (...) Почему то слишком много течений в христианстве (свыше 2000), много течений в исламе (более 70), очень много радикальных направлений, в индуизме, по-моему, такого нет». Конверсионный нарратив в аспекте мироустройства включает некую ностальгию по целостной идеологии, которая была потеряна с развалом Советского Союза, но необходим ее аналог в мироустроительном проекте, который выдвигает Жанат, Арман и другие кришнаиты.

Современное общество постмодерна является обществом фрагментированным, в котором можно найти множество локальных нарративов, но нет целостного единого метанарратива. В конверсионных нарративах и просто неформальных интервью звучит резкая критика морали и практик современного общества как основанного на эгоизме, а от эгоизма уже производны зависть, жадность, материальные привязанности, где главный принцип – разделяй и властвуй. Возникает образ Вавилонской башни как образ общества, разделенного по религиозным, национальным, социальным границам, где каждый настаивает на истинности своего мнения и не способен слышать другого. Современный мир – это мир, где, несмотря на процессы глобализации, существует множество границ, сконструированных самими людьми. Тема конструирования границ и их относительности постоянно актуализируется в конверсионных нарративах кришнаитов

Надрелигиозное и наднациональное ведическое знание предстает метанарративом в представлении кришнаитов. Жанат называет его «духовной платформой знания», «базис знания», а иногда звучит слово «идеология». В рассуждениях о необходимости целостного знания, базиса знания, возникает образ Советского Союза как инвариант, хотя и не идеальный, подобной идеологии: «Если платформа вечных вещей, то проблемы решаться сами. Они думают, что решат проблему болезней путем финансированием. В Советском Союзе были эти болезни, что сейчас возникают, в частности раковые заболевания? Их было значительно меньше. А сейчас посмотрите, это в сравнении, я не говорю, что СССР была вершина тот самый баланс, золотая середина. Советский Союз свою роль сыграл, но это был не идеал» (Жанат, 34 г.).

В конверсионных нарративах и просто неформальном общении с кришнаитами, мы встретили апелляцию к Шрила Прабхупаде по поводу Советского Союза. В 1971 году основатель ИС-СКОН Шрила Прабхупада посещал Москву и пришел к выводу, что советские люди, по сравнению с западными людьми, более восприимчивы к новым духовным идеям, поскольку не испорчены чувственными удовольствиями и более аскетичны. Кроме того, учение кришнаитов включает в себя послание о золотом веке. Шрила Прабхупада, по словам последователей движения, называет этот золотой век «духовным коммунизмом», когда ни одно живое существо не будет жить в страдании и все будут счастли-

вы. Эти слова основателя движения, его последователи в Казахстане приводят для обоснования особой роли постсоветского пространства в распространении ведического знания и в изменении мира.

Международное общество движения Кришны при своем распространении на Западе в 60-х годах, заключало в себе значительный протестный потенциал, выступая с критикой западных ценностей потребительского общества¹. В условиях постсоветской модернизации Казахстана эта критика продолжается в формате противопоставления Запада как мира эксплуатации, войн, конфликтов, обмана, однополых браков постсоветскому пространству, а именно России и Казахстану, которые двигаются в сторону Бога.

Вот слова из конверсионного нарратива Жаната о Казахстане: *«Казахстан – уникальная ситуация. Здесь могут жить другие нации. Казахи благодаря этому развиваются. Казахи очень доброжелательны. Есть националисты местные, пропагандирующие казахский язык. Я им говорю (...), мы поднялись особенно во время ВОВ, когда была эвакуация в Казахстан. У русских и казахов есть много общего. Будущее Казахстана – лояльность, толерантность»*.

Таким образом, выделенный нами мироустроительный аспект конверсионного нарратива содержит рецепции советского периода в виде ностальгии по некой целостной идеологии и золотом веке как «духовном коммунизме» и продолжение этой логики в осмыслении судьбы современного Казахстана. Международное общество сознания Кришны как глобальное религиозное движение с его идеями надрелигиозного и наднационального знания, акцентированием человека как духовного существа, с одной стороны, является проводником проекта космополитизма, когда приоритетными оказываются не специфические идентичности, такие как этническая принадлежность, связанная с патриотизмом, а трансцендентные ценности человеческого существования. С другой стороны, возможно учение кришнаитов является достаточно привлекательным на постсоветском пространстве также в связи с узнаванием в нем «советского интернационализма» с его идеей равенства и дружбы народов и приоритетной ориентацией на общие для всех ценности.

---

¹ Judah, J. Stillson Hare Krishna and the Counterculture / J. Judah. – N. Y.: A Wiley-interscience publication, 1974.